

РЕЦЕПТ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Георгий Рат

Георгий Рат

Рецепт изготовления человека

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рат Г.

Рецепт изготовления человека / Г. Рат — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Человеку с рождения открыто удивительное разнообразие жизненных перспектив. Можно, например, крякнуть или прижмуриться, склеить ласты или врезать дуба, отдать концы, сыграть в ящик, окочуриться, двинуть кони, загнуться, откинуть копыта, протянуть ноги, околеть, уйти на повышение... Море возможностей! Но нет, с великим рвением и пугающей серьёзностью люди ищут для себя лучшего продолжения. Эта худенькая, копеечная книжечка, кроме объяснений того, как и почему они это делают, умудрилась ответить ещё и на главный вопрос Бытия – зачем и по чьей наводке. Содержит нецензурную брань.

© Рат Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая	5
Свидание	6
Джек-пот	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Часть первая

Загадка нашего с вами (и человечества в целом) вселенского предназначения разрешится только во второй части этой книги. Поэтому, дабы не расслаблять излишней весёлостью читательское внимание, автор не настаивает на прочтении первой части. Она – лишь оформленное в короткие рассказы беглое ознакомление с ингредиентами Рецепта изготовления человека.

Свидание

Женщина, если ей уже за пятьдесят, а Вам за пятьдесят всего, думает о Вас, наверняка, то же самое. И перед первым свиданием с этим нужно считаться, иначе ваша стратегия, может, и не пострадает, но реальные тактические задачи – отдохнуть на скорую руку – разрешатся этим в буквальном смысле, как во времена активных подростковых экспериментов над мужающим телом.

Ресторанный лабух Гриша Дахман в таких тонкостях не рубил совершенно, хотя опыт предыдущих попыток и ловкие пальцы гитариста умягчали сердце некоторой тревогой. Разбираться в ней времени не было, до встречи оставался час. Гриша копался в пакете с чистыми трусами, выискивая «шо-то, шоб нормально по цвету». «О! Чёрные – хорошо! – сказал он и вынул на свет. – Азохэн вэй, какое оно уже чёрное! В Херсоне колер держался по три-четыре года! Было качество!»

В пакете лежали ещё белые, нераспечатанные. Но то на случай, когда сомнений не будет совсем. А сейчас они были. И немалые. Эта Марина, выступающая на сайте знакомств под псевдонимом «Счастье», за две недели плотной переписки серьёзно понадкусывала из Гришиной головы. «Зачем так спешить, Григорий? Вы безумно интересный собеседник!», «О, я всегда завидовала людям, умеющим на чём-то играть!»

На чём-то играть, а?! Гриша представлял, какие там глубины, в том девичьем сердце, и с белых трусов даже не хотелось сколупывать ценник. Но при таком ассортименте приходилось соответствовать. На очередное какое-нибудь «Вы репетируете, Григорий? Не мешаю?» Гриша, обглаживая жареные куриные крылья с кетчупом, выстукивал единственным нежирным пальцем ответ: «Повторяю из Баркаролы. Альтерация сложная, а руки уже не те!» – «Что Вы! У Вас замечательные руки!» – «Ну, да, – думал Гриша, слизывая с мизинца, – и твоя задница должна прочувствовать мою коронную синкопу в их исполнении!»

Трусы выбрал синие в мелкую продольную полоску. Так даже стройнит. Теперь что-то наверх. Носки – белые, под кроссовки. Парусиновые штаны, майка... Никаких рубашек! Рубашка накидывает ещё добрых пять лет сверху, и разом с лысиной читается приговором. Так пусть таки не читается, когда у человека есть вкус и выбор!

Разбираться в одежде Гришу научил папа. Когда Гришин брат, выдающийся человек (сохранив осторожную преданность сионистской идее, он сразу уехал в Штаты!), прислал папе молитвенное покрывало из самой любавичской синагоги, так папа на скептический Гришин взгляд отвечал: «Что ты можешь понимать! Этому талесу нет цены, это чистая шерсть!» Папа к концу дней сильно уверовал. Мечтал успеть пожить в Израиле, но вторая его страсть – шахматы – накрыла первую. Папа умер за доской. Гришин дядя, присутствовавший при этом, недоумевал: «Не понимаю, у него ж была выигрышная позиция!»

Да, гены, по части здоровья, Грише достались не очень, и гимнастические этюды на Марине, которые он себе напредставлял, выглядели злой утопией. «Так будем тише, и разбавлять Баркаролой...» – отмахнулся Гриша и пошёл на примерку.

В коридоре стояло огромное зеркало: Сима из тридцать второй попросила, чтоб «оно немножко побыло, пока ремонт». И оно немножко было второй месяц, и ровно столько же каждое утро Гриша убивал об него свое настроение. «А шо вы хотите? – сказал он, крутясь туда-сюда. – Я только гитарист! Дик Дейл и Би Би Кинг тоже были не из мрамора!»

Похоже, Сима, как квалифицированный психиатр, так мстила за предложение зайти как-нибудь вечером послушать джаз. Могла бы честно сказать, что возбуждается на частушки, и не портить кровь людям с двумя курсами «Гнесинки». Кстати, частушки мы тоже лабаем – дай бог, если что!

Гриша заложил руки на затылок. Подмышки с последней пробы устроить личную жизнь выглядели, как и сама проба. Мошонка, насколько Гриша понимал современные тренды, тоже нуждалась в бритье. Всё остальное, печалило так же, но радикальной коррекции не требовало.

«Если с этим ни на чём не играющем «Счастьем» сложится сразу, то ничего и не потребует! – решил Гриша. – А если не сложится, то не потребует ещё больше!»

Гриша не догадывался, что эта мысль ставила его в один ряд с великими софистами. Часы показывали «сорок минут до», и он пошёл в ванную.

Лицо и подмышки дались легко. Получалось даже что-то насвистывать. Но началось самое трудное. Вспененная мошонка гроздьё торчала в левой руке, Гриша видел эту композицию только на полном выдохе, и до начала головокружения успевал всего пять-шесть раз провести станком. Так повторялось и повторялось, пока не было условно покончено с правой половиной. Левая! Опять гроздьё, опять полный выдох, но всё жутко неудобно! Пауза, выдох, станок. Пауза, выдох, кислородное голодание, сердце, пот и тающее время сжались в один Гришин вопль: «На кой хер всё это надо?!» Он метнул прочь станок, зацепив стеклянную полочку со стеклянными баночками. Из тридцать второй постучали: «Гриша, шо там? Зеркало?!» – «А то больше ж нечему!»

Вспомнить о незапертой входной двери Гриша не успел. Из коридора донёсся гром ссыпавшихся осколков и уходящее в колоратурную высь сопрано Симы. Гриша выскочил из ванны. За полминуты немого противостояния он увидел всё: и наполняющиеся слезами глаза Марины; и снежные простыни на её тахте; и бритвенный станок, вгрызающийся в яремную вену; и свою отлетающую душу.

– Знаешь, Григорий, – сказала Сима, глядя на результаты авангардистского бритья, – нас на первом курсе повели впервые в анатомичку... И там был жмур, и у него стоял. Понимаешь? Такое бывает!

– Понимаю. Надежда умирает последней.

– Ага, и мне так захотелось потрогать...

– И?

– Да руки грязные были.

– Ну, это поправимо.

Гриша немного взял в сторону, пропуская даму в ванную комнату. А утром Сима сказала: «Хорошо – не нашлось, куда выкинуть это идиотское зеркало! И вообще, Григорий, если девушка не дала в первый раз, это не значит, что о ней можно думать плохое!»

Т

еория любви

Отдыхающих уже заметно поубавилось, но город выглядел вполне ещё курортным: бархатный сезон в этом году растянулся до конца октября. Сезон же гастрольный месяц, как закончился, и для местного театра, выживающего на ангажементе, наступало время спячки. О летних аншлагах напоминали только фрагменты декораций, забытые гастролёрами и снесённые на хозяйственный двор, где в плетёных креслах-качалках из «Вишнёвого сада» сейчас сидели двое: Толик с запрокинутой головой, и Славик с лютым похмельем. Толик, покачиваясь, рассматривал тучи, а Слава, массируя виски, пытался стонущим мычанием понизить амплитуду качения и скрипа кресла товарища.

– И не перестанет раскалываться! – говорил Толик, – Мозг от алкоголя первым гибнет. Пора уже, Слава, завязывать. Думаешь, ты вечный? Хватит! Займись собой, наконец! Вот глянь на меня – дашь мне 54?

– Тебе, дорогой, что хочешь дам!

– Во-от! А всё потому, что йога! Голодаю раз в неделю, неделю в месяц, и месяц в год!

– А я трижды в день – до завтрака, обеда и ужина. Кстати, в «Пингвине» вчера были биточки пристойные!

Во двор, грохоча пустыми вёдрами из-под угля, въехала тачка, ведомая истопником Геннадием, тоже изрядно тронутым похмельем. Слава на шум приоткрыл глаз:

– Геныч, наконец-то! Где тебя носит? Не помнишь, когда «Пингвин» стартует?

Гена не ответил. Ответил Толик:

– Это всякий ребёнок знает. В девять ровно! Или девять-тридцать...

– Идите на хуй, – сказал Гена, – просил же, про водку ни слова!

Ухнули железные ворота, и на подворье вбежал завхоз. Он раскрыл дерматиновую папочку и изготовился к записи:

– Гена, сколько ты гвоздей брал на прошлой неделе?

– Ты в своём уме, Феликс Абрамыч?

– Я про гвозди...!

– На кой мне в котельной гвозди, рожа твоя воровская?!

– Ладно! Пять килограмм. На – распишись!

Гена показал оба средних пальца. Абрамыч расписался сам и с надеждой осмотрелся. Во дворе было пусто. Славка с Толиком, как не состоящие в штате, дохода не сулили. И потому ворота ухнули вторично, сократив квартет до грозящего опасными последствиями трио.

– Гена, так ты с нами?

– Если с понедельника считать, так это пятый день подряд будет!

– Ты хотел отдохнуть перед выходными?

– Просто пить не хочу!

– Станный ты, Гена, до невозможности. Где, скажи, логика: вчера хотел, а сегодня нет?

Гена собрал лицо в подобие сфинктера, отвёл правую ногу чуть в сторону и продёрнул ею, как бы вытряхивая раскалённый уголёк из штанины. «У-у-у, блядище!» – прошипел он, что в традициях местной системы коммуникаций означало полное согласие и шаг к примирению. Вообще, Гена не умел обижаться. Ни на кого, и ни на что. Даже на судебную ошибку, скинувшую когда-то его инженерный гений в угольную пыль театральной котельной.

Ровно в девять часов и одну минуту дверь самого гнусного на побережье шалмана с пристойными биточками распахнулась, и в его интерьер вписалась отвергающая любую святость троица.

Три тарелки, как три снятых нимба, окружали литровую бутылку «Перцовки».

«Ну? – Слава придвинул к Гене стакан. – По половинке?» Гену скрутило от мгновенно накатившей тошноты, и он вытряхнул второй уголёк: «Куда столько?! Па-а-а полной давай!» Чокнулись молча. Выдохнули. Но входил напиток непросто, и официантка за барной стойкой сочувственно перекрестила вышитого на своём фартуке пингвинчика. Непьющий Толик тоже, припомнив что-то из «Шива-самхиты», сделал из пальцев козырёк на лбу и, чтоб не взблевнуть вместе с Генкой, уставился на снесь: «Биточки мне называется!» – «Чё там кому не нравится?» – крикнула официантка. Слава изобразил над головой рукопожатие: «Н-н-надюша!» Гена пил в муках. Потом с минуту выжидал приход. Потом, катнув биток в подливке, сказал:

– Директор – сука...

– Известное дело! – поддержал Слава нарождающийся дух свободы.

– Директор, говорю, сука, повышение предлагает. И не знаю, прям!

– Соглашайся, – сказал Толик. – Может, и пить перестанешь. Старший истопник... Это обязывает!

– В осветители зовёт. Художником по свету!

– Лампочки пиздить? – огорчился Слава.

В зал вошла серьёзная дама лет пятидесяти в сопровождении красавца рысака трёхлетки. Расположились в углу. Официантка поплыла служить. «Пошэму шразу лампошки? – Гена пережёвывал буквы вместе с липким биточком. – Там штолько вшего ешть!» Толик отгрёб Гене немного гарнира из своей тарелки: «У меня на кухне, как раз, перегорела!» – «На кой хрен тебе на кухне? – пресёк подкуп Слава. – Не жрёшь же годами?» Толик смолчал, но достал из сумки книжку «Бхагавад-гита, как она есть» и, прикрыв пальцем мягкий знак в названии, явил высокому собранию: «Вот! Не жру я ему!»

Теперь смолчал Слава. Он хранил пиетет к печатному слову ещё со студенческой поры. Тогда Славин дядя, опрометчиво навсегда отъехав за океан, доверил продажу квартиры племяннику. Выправленная на его имя генеральная доверенность блистала восхитительным кириллическим «таймсом» и дала возможность продать московские хоромы трижды, и разным покупателям.

«Было время!» – сказал Слава в эмпиреи. Выпили ещё по стакану. Потом ещё. Обсудили Генкины перспективы в свете последних сценографических трендов. Получалось неплохо, только пятый осветительный штанкет на сцене, оказывается, заклинило ещё с лета. Но Гена пообещал добиваться ремонта сразу по вступлении в должность. Толик растрогался и истребовал водки себе тоже. Слава поддержал: «Спеклась, упанишада? Так и быть – вкрутишь ей лампочку, Геныч!»

Вторую «Перцовку» разливали уже на троих. Толик сразу просел и увлажнил глаза: «Любви, братцы, не хватает! Любви и Света!» Выпили снова. Из угла зала послышался всплеск бьющегося стекла и призывы рысака к логике: «Пойми же, Марго! Разные мы с тобой! Раз-ны-

е!» Конезаводчица зарыдала, а вышитого пингвинчика вторично осенили крестным знаменем и повели сметать осколки.

– Не плачь, Толя. Придёт любовь!

– О, о чём ты?! – взвыл Толик, повергая пингвинчика в полное отчаяние.

– А что? Вон глянь, каких Марго на волю отпускают! Подсушишь её по своей технологии, и пользуйся!

– Мир, Славик, во мрак и злобу погружается! Вот что! – раскручивал истерику Толик.

– Нет! Мир тебя любит! Даже не смотря на твои тибетские заёбы!

– Не любит!

– Любит! Гена, любит Мир Анатолия или нет?

Гена встрепенулся, подровнял шаткую голову и вознёс указательный палец: «И синих фильтров на рампе добавить, а то красным заливает...» – «Это кровью заливает!» – заорал Толик, цепляя кулаком тарелку. Два биточка хлюпнулись на пол и оросились клюквенным морсом из опрокинутого графина. Официантка выронила совок: «Слава, всё! Допили? Выметайтесь к храму! Сколько можно?!» – «Щас я тебе всё докажу про любовь!» – сказал Слава Толику, вставая из-за стола и увлекая за собой побратимов. – Уходим, Надюша! Запиши всё на меня!»

Покидали заведение под соло Марго: «Нет, мой дорогой! Взял вдовой – будь добр, вдовой и оставь!» В ответ рысак лишь выломал зуб у пластиковой вилки.

«Щас докажу!» – повторил угрозу Слава уже на свежем воздухе. – Пошли!»

Строй тяжелеющим шагом потянулся на базу. За полтора часа нахождения человека в пингвиньем чреве может измениться не только внешний, но и внутренний мир. Вместе с солнышком, доевшим остатки утренних туч, проявились два чисто южных феномена – «тёплая прохлада» и тотальное погружение Геннадия в икоту. А она установилась глубокой и правилам диалога не удовлетворяла. То есть на уровне осознанных реакций исключала диалог полностью. Тонус Анатолия был таким же и звался медитацией, поэтому Слава начал в одиночестве: «Чтоб увидеть кто и как любит Толика, он должен умереть!» Толика и Гену вышатакнуло из строя. «А чего вы удивляетесь?» – сказал Слава, – Формы любви многообразны. От воркования до смертоубийства. Вот Марго, наверняка, выгрызает сейчас сердце у своего питомца. И Всевышний позволяет это, чтоб явить ей истинность чувств! Стерпит смерть любимого, значит, не было любви, а удавится следом или в схиму уйдёт – была! И с Анатолием мы поступим так же!»

Детали плана сокрыл от Города и Мира шум проползающего трамвая. А уже через час немногочисленная скорбная группа вышла из ворот хозяйственного двора городского театра. Под водительством Славы и Гены двигалась угольная тачка с накрытым холстиной Толиком. Его босые, охристо-голубого цвета ноги тряслись над тротуаром.

– Не дёргай руками, к набережной сворачиваем! Люди кругом!

– Ну тебя на хуй, Слава. Чешется всё! – отозвалось из-под холстины.

Из ниоткуда появился дальтоник Юра, в прошлом театральный шофёр. Коллизия с цвето-восприятием и правилами дорожного движения разрешилась для Юры недавно, когда на обвинение в езде на красный свет он пояснил инспектору, что ничего не нарушал, так как на светофоре горел нижний. С тех пор Юра служит билетёром.

– Что это у вас? – спросил он.

– Это Толик, – сказал Слава, – плохо всё!

– Плохо – это хорошо!

– Ты думаешь?

– Плохо, значит, не совсем-совсем плохо! Как там, кстати, в «Пингвине» с биточками обстоит?

– Шик-ик-карно! – икнул Гена.

Юру объехали и двинулись дальше. Через пару метров наткнулись на директора.

Гена тут же начал обрисовывать жестами ситуацию с синими фильтрами, но внимание директора сосредоточилось на охристо-голубом:

– Это что?

– Толик-ик!

– В каком смысле?

– Теперь уже в переносном, – сказал Слава.

Директор взял Гену за пуговку:

– Так, голубчик! Тачку потом вернёшь, и дуй на склад. Лампочки пришли! Я – на совещание!

Сказал и исчез. Из-под холстины прогудело:

– Уже одиннадцать. В «Пингвин» пошёл, сволочь. Его время!

Секундой раньше на набережной грянул мудрёной композицией театральный духовой оркестр. Гена воодушевлённо вытряхнул из штанины сразу несколько угольков.

«Согласен, – сказал Слава, – эти Толика не могут не любить. Сколько выжрано вместе!»

Все двести метров до предполагаемого кладезя любви шли молча. Гена обвис на рукояти тачки, а Слава, щурясь от солнечных зайчиков, вспоминал такие же на объективе своего «Никона» лет, эдак, пятнадцать назад. Курортники клевали на диковинный по тем временам аппарат, выстраиваясь в очередь. Оплата взималась на месте, а карточки обещались через сутки. Подозрений в том, что «Никон» был даже без фотоплёнки, не возникало ни у кого. Зато возник, срезая сладкие воспоминания, Абрамыч: «Пацаны, директора не видели?» Слава

осадила тачку: «Откуда вы все берётесь?» – «Отовсюду! Гена, а ты уже – всё? Икаешь?» Гена попробовал сфокусировать голову, но та противилась и каскадами ниспадала на грудь.

– А это у вас что? – кивнул Абрамыч на холстину.

– А это у нас Толик умер!

– Доголодался полоумный? Ладно, я – на совещание!

И уже набегу:

– Генка, не забудь – за лампочками!

Несокрушимая Теория Любви безобразно кренилась и теряла у адептов доверие.

– Всё, я встаю! Ну его к ебням! – ожила холстина.

– Лежи! Нашёл кому довериться! Феликс Абрамыч способен любить только портвейн!

Толик, густо почесавшись, затих. До раскатов оркестровой меди оставалось рукой подать, и тачка уверенно тронулась, приводя в хаос Генкино тело. Здесь, дабы подготовиться к сложному эстетическому выверту, следует отступить от хронологии повествования минут на тридцать в прошлое. В глазах оркестрантов оно тогда являлось безоблачным настоящим, но скрывало трагичное будущее, ибо все они, за исключением дирижёра, лыка уже не вязали. Первые три вещи отыграли на одном издыхании, и разбрелись по ближним кустам на перерыв. К четвёртой выходили долго. Молодой трубач героическим личным примером поднимал отряд пюпитрам, и это удалось с малой оговоркой: герой вышел не на свои ноты. И, соответственно, не он один. И когда дирижёр заработал руками, то валторна, труба и геликон подёрнулись от увиденного, но, не придя в сознание, резанули по писаному. Оркестр лабал вдохновенно. Публика живо прирастала количеством, а дезертировавший дирижёр самоуничтожался за раскидистой туей.

Вот сюда и катила угольная тачка. Слава понимал, что музыка, настолько опередившая время, может воскресить Толика до неузнаваемости, и тормознул на безопасном расстоянии – возле торгующих семечками бабулек. Завидя труп, те перекрестились и запричитали:

– Ребятки, это кто ж его так?

– А так! – пояснил Слава. – Жизнь ведь она настолько иногда, что и сиди-думай потом, куда оно всё и почём!

– Ну, так-то оно конечно! – согласились старушки. – А куда ж вы его теперь?

– Да в море – куда! Хоронить дорого...

– Царица небесная! Отпеть бы сперва!

Подъехала патрульная машина. Бабушки заёрзали и запоправляли платочки. На тротуар ступил блюститель, подровнял фуражку, ссыпал в карман два стакана семечек и уставился на Толиковы ноги, лузгая и сплёвывая себе на китель:

– Натюрморт, однако!

– Воистину морт! – сказал Слава.

– Нехорошо, мамыши! Чтоб завтра же с незаконной торговлей было покончено! Понятно?

– Понятно, Феденька, понятно! – спели бабульки.

Феденька уехал. Сразу смолк и оркестр из будущего. Убаюканный множественными жёсткими соприкосновениями затылка с металлическим листом Толик спал. Он не услышал ни траурного «Шопена» в свою честь, исполненного ещё держащимся на ногах барабанщиком; ни яркой речи, произнесённой Славкой; ни скандала, учинённого толпой отдыхающих в адрес «дебильных городских властей, орущих в курортной зоне похоронную музыку». Короче, солнце было уже далеко не в зените, а Теория Любви подтверждений ещё не получила. Было решено представить тело ближайшему кругу.

В колодец общего двора, где обитал Толик, въехали под аккомпанемент «Естэдей», люющийся из окна второго этажа. Оттуда же торчал битломан дед Ваня. Он торчал оттуда в любую погоду и круглогодично, потому что окно кухонное, а перегонка дрожжевого сусла не прекращалась никогда.

– О! Здоров, Славка! Генка, и тебя сто лет...! Что привезли?

– Толика!

– Толика дома нет!

– Мы в курсе!

– А чего привезли-то?

– Толика и привезли, говорю!

– Ёооб...! Погоди, Славка, я – за очками!

Дед Ваня вернулся с полевым биноклем и через полминуты визуального контакта спросил:

– А чего это с ним?

– Уже ничего.

– И куда вы его?»

– Домой. Куда ж ещё?

– Я тебе дам – домой! Завоняется мертвяк, дыши потом... Везите его к хуям отсюда!

Из соседнего окна высунулась мадам Шапиро в переднике поверх лифчика:

– Шо, правда – умер? Фима, иди быстро! Тут тако-э!

По всему колодцу задребезжали старые оконные рамы. Самых восторженных зрителей живьём собралось общим числом пять. Остальные смотрели через стекло.

«Господа! – сказал Слава. – Кто сколько может..., в последний путь...!»

Горечь слов подслащивал далёкий трамвайный перезвон и голубиное урчание. Зрители растворились. Остался один дед Ваня и вечнозелёный Маккартни: «Всё, Слава, нехер тут! Он мне сам ещё должен. Ехай давай, ехай!»

И уехали, конечно. Солнце опять зашторилось тучами; стало ветрено, холодно и как-то сумеречно. Слава сидел у церковного забора на краешке тачки со спящим Толиком и припкнувшим к нему Генкой, и трезвел. Больше идти было некуда. К друзьям Толика? Так вот они – все рядом. Родственники? О них он никогда не говорил. А с женщинами у него не ладилось, да он и сам не хотел; не отпускала погибшая много лет назад семья. От той дорожной аварии Толику осталась пенсия по инвалидности; загубленная карьера морского офицера; и единственная страсть – старинные открытки да антикварные безделушки.

Слава шлёпнул оба тела: «Добавить пора, холодно!» Гена заворочался: «Мать моя...! Сколько шас? Пробежали – за лампочками...?» – «Буди этого, Генчик! Я – отлить!» Пустынная улица и остатки хмеля давали особо не церемониться, и Слава остановился у ближайшего дерева. Асфальт под кроной был в поблекших чернильных пятнах ещё от июльской шелковицы. Вспомнился её вкус, и стало неловко. Пришлось отойти. «Слава! Толя умер!!! – взорвался за спиной Генкин вопль. – Сла-ва!!!»

Крик напугал ворону на мусорном баке. Она отлетела подальше и вспрыгнула на парапет. Отсюда идеально просматривался источник опасности. О, это было сильное зрелище! Два человека спасали третьего. Шумно. Суетливо. Потом появилась белая рычащая гора с мигающими огнями сверху, и суетящихся стало больше. Ворона, низко пригнув голову, наблюдала за происходящим. «Забавные существа! – что-то наподобие этого подумала она. – Сколько ни смотрю, не перестаю удивляться!» Да, сильное зрелище. Редкое. Но времени дожидаться развязки не оставалось, нужно было успеть отыскать что-нибудь съестное до того, как усилится ветер и начнётся шторм. А он начнётся. Она это точно знала. И улетела. А скоро и первая тяжёлая волна, рассыпаясь брызгами, ударила в волнорез.

Джек-пот

Семён Шулимович Альтман, инициалы которого испаскудили всю его жизнь в советском прошлом, сидел на кухне съёмной квартиры в Хайфе, покрываясь дрожью и не понимая, что делать с настоящим. Два сильнейших чувства раскалывали Семёна: либидо, материализовавшееся в болезненную эрекцию, и полученное пятью минутами ранее известие о выигрыше кучи денег в лотерею. Зависимость эрекции от выигрыша виделась Семёну спорной, но отследить обратную связь не получалось. Он путался в логических конструкциях и панических приливах, отчего злился и метался по кухне.

Унять разброд мыслей так и не вышло. Сеня забрался с ногами на табуретку, обхватил колени и, глядя в них же, им же и говорил: «Двадцать восемь миллионов шекелей! Вы понимаете – двадцать восемь! Кретины! Что вы можете понимать, любимые мои?» Дотянуться губами мешал живот, и Семён зацеловывал перед коленками воздух, которого скоро перестало хватать. Лобызание чресл сменилось трагичной гримасой: «Шекелей! Почему не долларов? Почему везёт всегда кому-то, но не нормальному человеку? Сволочи!»

Эрекция немного смягчала досаду, и Семён Шулимович, мастер спорта по шашкам, рефлекторно откликался привычными движениями среднего пальца по бугорку на трусах: «У Фиры, сука, будет разрыв сердца! И пусть ей будет! Она думала, что дать Сене Альтману – это ниже её достоинства! Достоинство у неё! Двадцать, сука, восемь, сука, миллионов, блядь, шекелей! Ты поняла, манда толстожопая?!»

Сеню уже не просто трясло, а сотрясало. Он открыл холодильник и закурил. «Машину – только «БМВ»! Нет, «Бентли»! Хотя выпендриваться сильно нельзя, хотя почему нельзя – мы в Израиле, хотя и в Израиле...! У-у-у, чёрт! Ладно, потом – с машиной. Дом! Вилла! И не в Израиле! Где-нибудь, э-э-э... Ну, где-нибудь! И чтоб бассейн, мрамор, все дела... И Фира такая заходит, и – бабах! – разрыв сердца!»

Сеня шарил взглядом по холодильнику, дробно приседая. И вдруг замер. Это было не догадкой о том, что эрекция обусловлена желанием в туалет. Хотя и это тоже. В глазах полыхали кровью буквы: «На-ло-ги!»

Семён об остатки свиного рулета в холодильнике погасил сигарету, закрыл дверцу, и, вернувшись на табурет, опять закурил: «И сколько ж останется? Половина? Сволочи! Там пили кровь, и продолжают здесь! Двадцать восемь пополам... На ровном месте! С ума сойти!» Он делал затяжку за затяжкой, уперев голову в кулак, как над шашечной доской: «Да и хрен с ним! Как будто для Фиры не хватит и четырнадцати! Правда, тогда уже точно – не «Бентли»!» Какая-никакая определённости с колёсным транспортом немного Семёна успокоила. Он подумал, как будет завтра добираться до Тель-Авива за выигрышем. Поезд проходит мимо его завода... К чёрту поезд! Такси! В гжельской росписи фарфоровой рыбке – заначка, три тонны шекелей! Уж как-нибудь хватит на приодеться попижонистей и подкатить к семи утра на проходную, чтоб плюнуть под ноги мудаку Шаю! А пацаны такие: «Сеня! Ты чего на такси?» А ты им: «Да я – мимо, попрощаться. Самолёт завтра!»

– Куда?!

– США, – оттягивая звуки, скажет Семён. – Ну, пока, что ли?

– В лото выиграл?! – отвиснут десятки челюстей.

– Голова у человека не для лото играть!

И укатит, чувствуя затылком, как валятся на асфальт тушки расстрелянных собственной завистью бывших коллег.

По пути заскочит к мудаку Мише с его левыми имплантатами. Тот, конечно, скажет: «Сеня, шо, опять болит? Не видумавай уже, заради бога!» Сеня ничего не ответит. Сеня гордо смолчит и посмотрит со своих высот куда-то сквозь Мишу. И даже под ноги не плюнет, а поедет

дальше. К мудаку Гришке. Да чёрт с ним, с Гришкой! Сразу к конченному мудаку Славику. А потом... Но знакомых с однородными характеристиками набиралось изрядно, и можно было опоздать в Тель-Авив.

Семён повытряхивал мелкие мысли и запрыгнул в уборную, не закрыв за собой. Мочиться дома при открытых дверях он привык давно, ещё до развода. Незапертая дверь символизировала свободу и была хоть каким-то ответом тёще на все её гадости. К тому же жена Софа работала в урологии медсестрой, и это гармонизировало отношения, которые, по мере увеличения Софы в объёме, убивали Сенину сексуальную мотивацию. Как человек тактичный, Семён об этом молчал. Софа же требовала регулярной активности, утешая слабейшего супруга: «По сравнению с тем, что я вижу на работе, ты – Потёмкин!» Софа, таки, приближалась к размерам Екатерины, но пребывала ещё и в тени своей девичей фамилии – Эйзенштейн. Поэтому сентенция «ты – Потёмкин!» звучала с другим подтекстом! И Сеня, более чем сдержанно относящийся к немому кино, подал на развод. Тёща сказала перед уходом «Поц!» и подарила ту самую фарфоровую рыбку. Старая звезда виртуозно владела последним словом: рыбка могла стоять только вертикально, на хвосте. Семён оскорбление проглотил.

«О чём я думаю?! – сказал вслух Сеня, сливая воду. – Новая жизнь! Я верну Ханне Марковне её рыбку со ста тысячами долларов в клюве! И пусть уже, падла, остановится на своих восьмидесяти шести! Нашла поца! А её доченька будет смазывать катетеры слезами, а не вазелином, когда поймёт, что достаточно было просто меньше жрать! Бог, таки, есть, что дал Семёну Альтману за все страдания!»

Сеня даже побежал в комнату, вытащил из шкафа кипу и надел её: «Всё! Ближайший шабат – в синагоге! Ну, и занести немножко в благодарность. Но немножко! А немножко – это сколько, чтоб не засветиться? Этим только покажи! Фрезеровщик на «Пежо» без гидроусилителя заносит в синагогу! Ага!»

Семён сорвал кипу и закусил костяшки пальцев: «А тащить завтра как? Четырнадцать лимонов – в чём?! Взять парочку, остальное – на счёт! Нет! Четыре взять, а остальное... Сколько это, вообще?! В пачке – сто двух-сотенных листов. Пачка – сантиметр. Десять сантиметров – двести тонн! Сколько это на глаз – десять сантиметров? Где линейка?! Рыбка гжельская есть, сука, а линейки нет!»

К чему привязаться Сеня не видел. Телевизор в дюймах... Спичек даже нет.

«Хер!!! – взорвалось в мозгу. – Четырнадцать сантиметров! Ну, хорошо – тринадцать. Туда-сюда сантиметр... Хотя это двадцать тысяч. Три месяца у станка!»

Семён скинул трусы и метнулся к зеркалу, потому что живот и всё такое. Зеркало в душевой – только для побриться, и вмуровано в кафель. Притащил стул. Привстал ещё на носочки... Теперь как-то довести до искомого размера! Роскошный Фирочкин зад представлялся с трудом и помог, максимум, тысяч на двести двадцать. Автоматически, в поисках лучшего ракурса, Семён повернулся к вентиляционной фрамуге. С балкона верхнего этажа дома напротив маячила какая-то мадам и махала ручкой.

До того, как подломился стул, Сеня успел отметить, что в бакалее встречал её всегда без очков. А тут – на тебе! Очнулся Семён на диване, с забинтованной головой и в окружении трёх парамедиков. Через их головы заглядывал полицейский.

– Ну, вот и хорошо! – сказала девушка-врач. – Тебя не тошнит?

– Нет.

– Что-то ещё беспокоит?

– Нет.

– У тебя чуткие соседи. Скажи спасибо!

– Скажу.

– Зачем ты, вообще, туда полез? У тебя что, нет порно-каналов?

– Я только хотел...

– Нельзя уже в таком возрасте падать!

Когда все ушли, входную дверь с выломанным замком Семён подпёр стулом, предварительно поблагодарив восторженную толпу чутких соседей. Слава окутывала героя королевской мантией, и трусы надевать он уже не стал: «Хрен с вами! Завтра я буду в «Хилтоне» с пятью тёлками на каждой руке, а вы – таращиться в мою душевую!»

На улице хорошо потемнело и потянуло свежестью. Семён закурил, вышел на балкон и увидел машущую ручкой мадам из бакалеи. В нескольких окнах тоже помахали.

Интересно, а четырнадцати лимонов хватит, чтоб уединиться наглухо? Сладость одиночества со скромными выходами тайного миллионера в Свет наглаживали воображение. И чтоб никого! Чтоб вилла на безлюдном мысе, океан, луна, официант весь в белом в отдалении, а напротив чтоб Она с грудью сквозь шаль, и льдинки похрустывают в бокале...

Захотелось есть. Семён выпустил окурок, проводил его взглядом и пошёл на кухню. Кроме пепельницы из свиного рулета, была банка хумуса, кефир, половинка помидора. Никакого шампанского в серебряных ведёрках, блестящих кастрюлек и слепящих скатертей! Ладно, пару дней подождут! Позавчера у тёти Бэлы ел запечённый мушт, так это откусить все пальцы, если б ни семьи племянников и абсолютно конченный мудака дядя Боря – с тремя четвертями протезированного организма, а метёт даже без отдышки! Кормить родственников в таких количествах, а?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.